DOI: 10.17748/2075-9908-2019-11-2-58-72

УДК 94

КИСЛИЦЫН Сергей Алексеевич

Южно-Российский институт управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
г. Ростов-на-Дону, Россия
kislizins@yandex.ru

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛОЖЬ И ПРАВДА А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА.
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ЕГО КНИГ**

Введение. В научной статье рассматриваются взгляды А.М. Солженицына на историю России, изложенные в его трудах и в сборнике мыслей «Россия, Запад, Украина» о новых опасностях, грозящих мировой цивилизации, о взаимоотношениях России и Украины. Его знаменитый труд «Архипелаг ГУЛАГ», сыгравший важную роль в разоблачении сталинизма, имеет большое количество неточностей, особенно при подсчете количества жертв репрессий. Он превзошел работы В.Шаламова, Р.Медведева и др. необыкновенной эмоциональностью и предельной конкретизацией страданий заключенных. Идея-фикс произведения А.И. Солженицына заключается в признании ГУЛАГа главным, чуть не единственным, стержнем развития СССР. Сборники историко-художественных текстов А.И. Солженицына «Красное колесо» и «Двести лет вместе (1795-1995)» также не являются полноценными источниками исторических знаний.

Методы. Автором данной научной статьи выявляется некорректность критики писателем как американской, так и советской исторической науки.

Результаты. Анализируется противоречивая критика писателем реформ Б.Н. Ельцина в России и националистического режима в современной Украине. Оппозиционный писатель был идеологом разрушения централизованного государства-империи в социалистические времена и остался им в постсоветский период.

Выводы. Выявлены метаморфозы вечно оппозиционного писателя: антисталинист, антикоммунист, антисоветчик-почвенник, антигосударственник, антилиберал, русский националист.

Ключевые слова: А.И. Солженицын, литература, оппозиция, антисталинизм, антикоммунизм, антигосударственник, национализм, история России и СССР

Для цитирования: Кислицын С.А. Историческая ложь и правда А.И. Солженицына. Заметки на полях его книг. Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Том. 11. № 2. с. 58-72.

doi: 10.17748/2075-9908-2019-11-2-58-72

Sergey A. KISLITSYN

South-Russian Institute of Management
of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don, Russia
kislizins@yandex.ru

**HISTORICAL FALSE AND TRUTH OF A.I. SOLZHENITSYN.
NOTES ON THE FIELDS OF HIS BOOKS**

Introduction. The scientific article discusses the views of A.I. Solzhenitsyn on the history of Russia, set out in his writings and in the collection of ideas "Russia, the West, Ukraine" about new dangers threatening world civilization, about the relationship between Russia and Ukraine. His famous manuscript "The GULAG Archipelago", which played an important role in exposing Stalinism, has a large number of inaccuracies, especially when counting the number of victims of repression. He surpassed the books of V. Shalamov, R. Medvedev and others with extraordinary emotionality and the ultimate specification of the sufferings of prisoners. Fixed idea of A.I. Solzhenitsyn's books is to recognize the GULAG as the main, almost the only, core of the USSR. A.I. Solzhenitsyn's collections of historical and artistic texts "Red Wheel" and "Two Hundreds Years Together (1795-1995)" are also not full-fledged sources of historical knowledge.

Methods. The author of this scientific article reveals the incorrectness of criticism by the writer of both American and Soviet historical science.

Results. In the article analyzes the A.I. Solzhenitsyn's controversial criticism of the B.N. Yeltsin's reforms in Russia and the nationalist regime in modern Ukraine. The opposition writer was the ideologue of the destruction of the centralized state-empire in socialist times and remained so in the post-Soviet period.

Conclusions. The metamorphosis of an eternally opposition writer has been revealed: anti-Stalinist, anti-Communist, anti-Soviet-traditionalist, anti-state, anti-liberal, Russian nationalist.

Key words: A.I. Solzhenitsyn, literature, opposition, anti-Stalinism, anti-communism, anti-state, nationalism, history of Russia and the USSR

For citation: Kislitsyn S.A. Historical false and truth of A.I. Solzhenitsyn. Notes on the fields of his books. Historical and Social-Educational Idea. 2019. Vol. 11. No.2. Pp. 58-72 doi: 10.17748/2075-9908-2019-11-2-58-72 (in Russ)

Писатель-оппозиционер А.И. Солженицын занимает особое место в истории отечественной культуры в самом широком смысле этого понятия. Как бы к нему не относиться, он – один из самых известных и дискуссионных писателей в России. А.И. Солженицын, несомненно, внес свой вклад в идеологический процесс XX века, который заключался в определенном переформатировании общественного сознания интеллигенции СССР. Признавая этот факт, мы посмотрим на его творчество с историко-политологических научных позиций. Это сделать тем более важно, что главные книги А.И. Солженицына насквозь пронизаны политической историей и публицистикой. В предыдущей статье, мы сделали попытку рассмотреть сюжеты биографии А.И. Солженицына, которые его связывают с Ростовом-на-Дону, Ростовским университетом, с его университетскими товарищами (кото-

рых он оставил), с выдающимся донским писателем М.А. Шолоховым (которого он сильно не любил). В ней освещены сложные вопросы, повлиявшие на формирование противоречивого характера писателя, возникновение ряда проблем в его биографии [1]. В настоящей статье речь идет только о его взглядах на историю России. Для решения данной задачи мы воспользовались наряду с изданиями его основных литературных трудов посмертным сборником мыслей А.И. Солженицына «Россия, Запад, Украина» о значении свободы, о Западе и России, о новых опасностях, грозящих мировой цивилизации, о взаимоотношениях России и Украины. Этот сборник составлен его супругой Н.Д. Солженицыной [2]. Цитируемые мысли из этого сборника оформляются ссылками на соответствующие страницы сразу после приведенного текста.

Как известно, в 1963 г. А.И. Солженицын опубликовал благодаря удачному стечению обстоятельств в самом популярном советском журнале «Новый мир» рассказ о жизни заключенного «Один день Ивана Денисовича». Это стало сенсацией, хотя реально он открыл «секрет Полишинеля» – существование в сталинском СССР системы лагерей, в которых трудились сотни тысяч заключенных. Об их существовании знали все взрослые граждане страны, так как это была управленческая подсистема «страха» тоталитарного государства, наряду с подсистемами коммунистического энтузиазма и пассивного патернализма. Автор рассказов о колымских лагерях – бывший узник ГУЛАГа – В.Т. Шаламов в письме к А.И. Солженицыну подверг его произведение жесткой критике. Он был троцкистом, считал 1920-е гг. периодом культурного и социального подъема, и поэтому его раздражал антибольшевизм А.И. Солженицына. Когда в 1964 г. А.И. Солженицын предложил В.Т. Шаламову соавторство в художественном исследовании ГУЛАГа, В.Т. Шаламов отказался, так как считал его литературу «злоупотреблением лагерной темой» и «оружием холодной войны».

Советские власти позволили А.И. Солженицыну показать, что Сталин – «король-то голый», что его социалистическая система имеет репрессивную составляющую. Лагерный опыт снабдил писателя материалом для его произведений, которые были написаны в 1950-е гг. Это интересный роман «В круге первом», в котором А.И. Солженицын отображает свою жизнь в закрытом спецлагере («шарашке») для ученых, примечательный роман «Раковый корпус», в котором описывается его жизнь в стране на фоне его личной борьбы со злокачественной опухолью.

Некоторое время писатель был протеже Н.С. Хрущева в качестве неформального лидера интеллигенции. А.И. Солженицыну удалось создать впечатление, что его литературные усилия направлены на конструктивную реформу советского общества в духе XX съезда КПСС. Его поддерживали не только «шестидесятники» из круга авторов «Нового мира», но и диссиденты разнообразных направлений. А.И. Солженицын вступил в Союз писателей СССР и был выдвинут на Ленинскую премию, что вызвало негодование М.А. Шолохова и ряда других советских литераторов. Власть, наконец, опомнилась и отправила в 1974 г. писателя в эмиграцию.

Публицист А.А. Локиев в этой связи написал, что А.И. Солженицын был, в известной степени, проектом Кремля. Сначала он был властями возведен на пьедестал славы, затем за ним следили, но как-то совсем уж неумело – его произведения все время просачивались на Запад, спецслужбы КГБ не предотвратили вывоз рукописей за рубеж. «Кроме того, его пытались отравить, но тоже не смогли (хотя в других случаях умело исполняли такие операции). И оказавшись в Европе, А.И. Солженицын критиковал западный образ жизни, не принял предложенное

гражданство США, поддерживал Франко и высказывал антидемократические взгляды. Таким образом, он одновременно и работал против демократии, и дискредитировал в глазах европейцев советских диссидентов и эмигрантов» [3]. Но это суждение слишком прямолинейно-примитивное и явно не учитывает всю совокупность событий и последствий. Конечно, писателя использовали в своих играх и СССР, и США, но он стремился быть в оппозиции ко всем.

Националистическая и одновременно прозападная ориентация А.И. Солженицына реализовывались в мировоззренческом симбиозе. Например, в «Письме вождям Советского Союза» А.И. Солженицын называет социализм «жутким юмором XX века» и пишет о нравственном упадке Запада, предупреждает об опасности скороспелой демократии в России и предлагает заменить коммунистическую идеологию, как давно лишенную содержания, авторитарным порядком, основанным на православной нравственности. Когда А.И. Солженицыну присудили Нобелевскую премию по литературе, окрыленный лауреат с новой силой развернул разоблачительную деятельность против советского государства. Его консервативные почвенническо-православные взгляды, которые он высказывал еще находясь в СССР, теперь трансформировались в жесткий антисоветизм. После изгнания А.И. Солженицына из СССР эти взгляды еще больше радикализировались и нашли отражение в его Гарвардской речи в 1978 г. В ней он осудил Запад за его эгоцентризм, гедонизм и идейный упадок, подверг критике западную печать за ее влияние и вредность, но одновременно призвал прогрессивный демократический Запад к вмешательству во внутренние дела СССР. Солженицын считал, что Америка – самая великодушная страна в мире, и она обязана «проучить» Советский Союз. «Мы просим вас – прийти и вмешаться!», – говорил он в Вашингтоне. В другой речи он пугал слушателей гигантским ядерным потенциалом СССР. Наносить ядерный удар по СССР он не предлагал, но... пауза в речи была интересная. С этих пор он стал объектом для очень умеренной, можно сказать, «ласковой» критики не только западной либеральной интеллигенции, но и части диссидентского движения в Советском Союзе и русской эмигрантской диаспоре.

А.И. Солженицын занял позицию критика западной общественно-политической системы и одновременно место восхвалителя США как гаранта свободы. С одной стороны, он призвал вмешиваться в дела СССР, но с другой стороны, заявлял, что никогда этого не говорил. Встает вопрос: почему Солженицын стал критиковать США, так много сделавших для его свободы и благополучия? Почему правительство США не стало ограничивать его публичные антиамериканские высказывания и т.п.? Представляется, что, во-первых, потому что в основе его выступлений были антисоветские обвинения, требования прекращения сотрудничества с СССР, продолжения холодной войны, что полностью соответствовало мейнстриму внешней политики США. Во-вторых, его критика США носила не политический, а скорее социокультурный характер. В-третьих, для укрепления его позиции лидера антисоветских диссидентов было важно очень сохранить имидж «великого диссидента», никогда не предававшего Россию. Он должен был внешне стоять над схваткой СССР и США, демонстрируя мудрость славянского Пророка, русского Конфуция. Госсекретарь США Генри Киссинджер сообщал: «Пыл либералов по поводу Солженицына остынет, когда они узнают, что он еще более правый, чем Голдуотер. Солженицын – славянофил и монархист».

Центральная идея-фикс творчества А.И. Солженицына заключается в признании ГУЛАГа главным стержнем развития СССР. По его мнению, в ГУЛАГе побывало 60 млн человек – половина взрослого населения страны, что имело совершенно особое значение для характеристики государства. Сформировался це-

лый миф, что «полстраны – сидело, полстраны – охраняло»... Однако историк В.Н. Земсков на основе архивной статистики установил, что в период с 1921 по 1953 гг. в СССР «за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления» были осуждены 4 060 306 человек, из которых к высшей мере наказания были приговорены 799 455 человек. Им было установлено, что максимальное общее число заключённых в лагеря за всю советскую историю было по состоянию на 1950 г. – 2 760 095 человек, а в среднем численность заключённых колебалась от 1,5 до 2,5 млн человек. При этом речь идёт и о политических заключённых, и об осуждённых за уголовные преступления [4].

Специалисты по советской истории А.Гетти (США), С.Виткрофт (Австралия), Р.Дэвис (Англия), Г.Риттершпорн (Франция) и др. задолго до перестройки доказывали, что в действительности число жертв репрессий, коллективизации, голода и т.д. в СССР было значительно меньше, чем писал Солженицын. Р.Терстон в монографии «Жизнь и террор в сталинской России. 1934-1941»¹ утверждал, что система сталинского террора в том виде, в каком она описывалась предшествующими поколениями западных исследователей, никогда не существовало. Влияние террора на советское общество в сталинские годы не было значительным: массового страха перед репрессиями в 1930-е гг. в Советском Союзе не было; репрессии имели ограниченный характер и не коснулись большинства советского народа; советское общество скорее поддерживало сталинский режим, чем боялось его; большинству людей сталинская система обеспечила возможность продвижения вверх и участия в общественной жизни [5].

А.И. Солженицын опровергает не только эту «дремучую» советскую науку, но и прямо учит американских профессиональных историков, навязывая им свои мнения. Он без тени сомнения заявил, что американцы ничего в течение 55 лет не знали о ГУЛАГе, отрицая само его существование, нечеловеческую жестокость, размеры, длительность и объёмы смертности [с. 53]. Солженицын писал это, не зная, например, о книге Р.Конквеста «Большой террор» (1968), где была дана количественная оценка заключённых в лагерях, арестов, расстрелов в трудах других исследователей (Г.Вул, Н.Тиашефф, С.Сваненич) [6]. В 1959 г. американцы не только хорошо знали о ГУЛАГе, но сами использовали похожие методы. В 1930-х гг. в США без суда и следствия бросили за колючую проволоку сотни тысяч японцев. Б.Борисов в статье «Голодомор по-американски» оценил число жертв финансового кризиса в США в 7 млн человек – и сравнил произошедшее в США в 1932-33 годах с «голодомором» в СССР в это же время. Он вводит для США термин «дефарминг», как аналог советского «раскулачивания». Администрацию общественных работ возглавлял «американский Берия» – министр внутренних дел Г.Икес, который заключил в лагеря для безработной молодёжи около двух миллионов человек. Он также во взаимодействии с армией интернировал этнических японцев США в концентрационные лагеря в 1941-1942 гг. [7].

Очень многие историки отметили искажённое представление событий войны в произведении «Архипелаг ГУЛАГ». А.И. Солженицын писал: «Гитлер – вторая опасность для России, но никак, при Сталине, не первая». А бандеровцев и другие коллаборационистские движения, сотрудничавших с нацистами, и вовсе оправдывал. Безусловно «Архипелаг ГУЛАГ» представляет собой описание реальной лагерной действительности, но он не даёт полного представления о жизни в целом в СССР. Понятие исторического источника и необходимости его научной критики писатель не усвоил, да видимо и не знал. Как непрофессиональный историограф

¹ *Thurston R. Life and Terror in Stalin's Russia. 1934-1941. New Haven, 1996.*

он естественно оказался неспособным воссоздать исторические события, которые он посчитал забытыми.

В «Википедии» зафиксировали, что в книгах А.И. Солженицына много субъективных мнений; исторических неточностей, оскорбительных портретов тех, кто имеет мировоззрение, отличное от авторского. Обращено внимание, что он использовал в качестве «исторического» материала не только воспоминания и мемуары узников ГУЛАГа, но и нацистские пропагандистские листовки.

Вот характерный пример. Большевики, по А.И. Солженицыну, на Украине «задушили голодом 6 млн человек». При этом писатель рисует жуткую, апоплексическую картину: «Комсомольцы стоят в хате и не дают детям попить воды, пусть ребенок умирает, но отдай последнее зерно... [18]». Приводимые цифры у А.И. Солженицына не обоснованы. В 2013 г. Институт демографии и социальных исследований им. М.В. Птухи в Киеве провёл научную конференцию «Голод на Украине в первой половине XX столетия: причины и результаты (1921-1923, 1932-1933, 1946-1947)», где были опубликованы оценки количества смертей на Украине – 3 млн. 917,8 тыс. чел., России – 3 млн. 264,6 тыс. чел., Казахстана – 1 млн. 258,2 тыс. чел. Массовый голод был, смерти были, но геноцида как ядра национальной политики СССР не было.

По А.И. Солженицыну, в истории СССР не было таких глобальных событий как великая победа советского народа над фашизмом, Красной армии во главе с главнокомандующим И.В. Сталиным над армиями А. Гитлера, полета коммуниста Ю.А. Гагарина в космос, подъем целины и великие стройки в Сибири и т.п. Не было великой советской культуры, уникальной советской системы образования и науки. ГУЛАГ, только ГУЛАГ, ничего кроме ГУЛАГа...

Целью труда А.И. Солженицына было доказательство, что не сталинизм как таковой, а все советское общество на всех этапах развития существовало без социальных и других прав, элементов демократии, гражданского общества, законов... Благодаря А.И. Солженицыну коммунизм как феномен в Европе стал ассоциироваться с ГУЛАГом. За полвека до Интернета А.И. Солженицын осуществил своеобразную информационную революцию. Его эмоционально насыщенные тексты с проклятиями и издевками зазвучали на всех антисоветских радиоголосах, стали арсеналом самиздата и гимном оппозиционного движения. Собственно именно необыкновенной эмоциональностью, предельной конкретизацией страданий, «копанием в ранах» народа превзошел А.И. Солженицын и суровые «Колымские рассказы» Варлама Шаламова и обстоятельный научный труд о сталинизме Роя Медведева «К суду истории».

Сборник художественных текстов А.И. Солженицына «Красное колесо» рассказывает о политических и социальных событиях в России до 1917 г., но также не является полноценным источником знаний. Вольно интерпретируя историю, автор показывает, как погибает из-за своей трусости царская власть, как обезумевшая улица побеждает либеральных парламентариев, как коварные большевики воспользовались ситуацией. Писатель проявляет себя православным консерватором, сторонником концепции конституционной монархии. Он восхищается децентрализованными государственными системами, великой святой Русью, феодальными республиками Северо-Запада, соборной Россией, думской монархией, которую не удалось спасти от злобной и безбожной власти. Это гигантское произведение было не понято и принято за пределами СССР–России по причине отсутствия прямых политизированных разоблачений советского строя.

А.И. Солженицын считал, что не только Запад, но Россия сама потеряла свою историю. «Недавние события, предреволюционные и революционные, у нас как

провалились, сожжены документы, убиты свидетели, живые молчат» [с. 16]. Это, конечно, явный публицистический перехлест, но характерный для всей его исторической концепции. В центре внимания А.И. Солженицына как историка находится отрицание истории СССР и абсолютизация дореволюционной истории России. Советскую историографию он просто игнорирует как «дремучую» и лживую, а западную «советологию» снисходительно учит правильному изложению исторических событий. А.И. Солженицын разоблачает обобщения западных историков об извечном русском рабстве, об азиатской традиции русского подданничества. Однако элементы этих факторов, по общему мнению исследователей, присутствовали в истории, хотя и не в абсолютной степени. А.И. Солженицын, считает, что в западной концепции искусственно упущены многие формы яркой общественной самодеятельности нашего народа – Киевская Русь, суздальское православие, напряженная религиозная жизнь в лесной окраине, века кипучего новгородского и лесного народоправства, стихийная народная инициатива и устояние в начале XVII века, рассудительные земские соборы, вольное крестьянство обширного Севера, вольное казачество на десятке южных и сибирских рек, поразительное по самостоятельности старообрядчество, наконец, крестьянская община. Все эти обстоятельства заслонены «двумя веками крепостничества в центральных областях и петербургской бюрократией». Для профессионального историка в этом пассаже очевидны значительные преувеличения в оценках демократических основ развития России, серьезная минимизация значения крепостного права, которое сложилось в конце XV в. и функционировало более 350 лет, отсутствие характеристики какой-либо роли самодержавия. Однако наиболее четко некорректный посыл автора прослеживается в следующем тезисе: «А на самом деле: переход от до-октябрьской России к СССР есть не продолжение, но смертельный излом хребта, который едва не окончился полной гибелью. Советское развитие – это не продолжение русского, но извращение его в совершенно новом неестественном направлении, враждебном своему народу. Термины русский и советский, Россия и СССР не только не взаимозаменяемы, не равнозначны, неоднолинейны, но – непримиримо противоположны, полностью исключают друг друга, и пусть их употреблять не к месту – грубая ошибка, научное неряшливо» [с. 32]. Можно было охарактеризовать такой подход как выражение постмодернизма, но напишем иначе. Для представителей профессионального исторического сообщества все выглядит противоположным образом – концепция А.И. Солженицына не просто научно неряшлива, а предельно идеологизирована.

С нашей точки зрения, советский этап развития – другой по многим качественным характеристикам период развития, но является продолжением именно истории России, ее народа, на ее территории. Ненависть к СССР затмила сознание писателю, сделало его «слепым на один глаз и глухим на одно ухо». «Излома хребта» не произошло, Россия сохранилась в рамках Российской евразийской цивилизации, и именно поэтому она смогла воспрянуть в новых условиях. Кратковременная советская субцивилизация ушла во многом потому, что она выполнила свое предназначение и, видимо, исчерпала свои ресурсы.

А.И. Солженицын писал, что мощные явления стихийного народного сопротивления коммунизму в нашей стране совсем не были замечены западной наукой, а в замеченной части объявлялись бандитизмом. Обзор литературы показывает, что и это некорректные суждения. Видные У.Чемберлин, Э.Карр, И.Дейчер, М.Левин, Р.Даниелс в Русском центре Гарвардского университета, Русском институте при Колумбийском университете и др. работали над историей СССР довоенного периода, освещали вопросы сопротивления части крестьянства и рабочего

класса советской системе [8]. Да и советские ученые не стеснялись характеризовать восстания и мятежи против советской власти как политические, например, восстание в Кронштадте 1921 г. [9].

Честно говоря, нам как-то странно защищать англо-американских противников социализма от нападок А.И. Солженицына, но как говорится: «Истина все-таки дороже». В сентенциях писателя есть любопытные наблюдения. В частности, он писал: «По отношению к русскому тысячелетнему восточному христианству западные исследователи во множестве испытывают лишь презрение и удивление: почему этот странный мир, целый материк, все не принимал западного мировоззрения и все не шел по столь явно преимущественному западному социальному пути? Россия решительно осуждается за все, в чем она не похожа на Запад» [с.35]. А.И. Солженицын обличает Р.Пайпса за то, что он отвел в своем труде церкви только одну главу «как гражданскому учреждению в духе советской пропаганды», а «честь мирового изобретения тоталитаризма Пайпс приписывает Николаю I. Не говоря уже о том, что тоталитарный феномен никогда не был осуществлен до Ленина. У г. Пайпса достаточно эрудиции чтобы указать, что идею тоталитарного государства впервые предложил Гоббс в «Левиафане» ... да и Руссо давал тому основания» [с. 56-57]. Писатель не увидел, что, во-первых, Николай I создал настоящий полицейский режим – жандарм Европы, подавивший революции в Польше и Венгрии. Во-вторых, современные западные политологи видят идеи тоталитарного государства уже в трудах Платона, но при этом четко указывают, что реализован тоталитарный режим был, в первую очередь, Гитлером – в Германии, Муссолини – в Италии, Сталиным – в СССР.

Путанные суждения А.И. Солженицын делает по поводу статьи Р.Таккера о Сталине. Писатель возмущается тем, что, по мнению Р.Таккера, Сталин действовал не по теории Маркса, а по стопам Иоанна IV Грозного и Петра I, что будто бы вся сталинская эпоха есть радикальный возврат в прежнюю царскую власть, а совсем не последовательное применение марксизма к современным реальным условиям, что Сталин разрушал большевизм, а не продолжал его. И далее, А.И. Солженицын, не стесняясь, рекомендует профессиональному историку Р.Таккеру прочитать первый том своего опуса «Архипелаг ГУЛАГ», «а лучше бы все три». Далее следуют указания историку, что во всем виноваты Ленин и Троцкий, а Сталин только уничтожил верхушку партии. Писатель вещал, что, оказывается, «никакого сталинизма никогда не существовало ни в теории, ни в практике, ни такого явления, ни такой веры, – это понятие придумала после 1956 года левая западная мысль для спасения идеалов коммунизма» [с. 59]. Опровергать этот примечательный тезис мы не будем в силу его очевидной несостоятельности.

Для А.И. Солженицына главное для любой работе об СССР – это упоминание и описание лагерей ГУЛАГа, ибо только в них он видит сущность новой России. Идеалом для писателя была старая Россия, которая, оказывается, перед войной 1914 г. была страной «с цветущим производством, в быстром росте, с гибкой децентрализованной экономикой, без стеснения жителей в выборе экономических занятий, с заложенными основами рабочего законодательства, а материальное положение крестьян настолько благополучно, каким оно никогда не было при советской власти, газеты были свободны от политической цензуры (даже во время войны), существовала полная свобода культуры, интеллигенция была свободна в своей деятельности, исповедание любых взглядов и религий не было воспрещено, а высшие учебные заведения имели неприкосновенную автономность. Многонациональная Россия не знала национальных депортаций и вооруженного сепаратистского движения» [с. 60-61]. Единственно, что признает А.И. Солженицын – это

ненужность войны с Вильгельмом. Нет смысла опровергать по пунктам все эти преувеличения, а в ряде случаев откровенные вымыслы, скажем одно – если бы все это было так, никакие революционеры никогда не смогли бы свершить ни каких революций, ибо в благополучных странах революций не бывает! А.И. Солженицын считает Октябрьский переворот Ленина и Троцкого «бандитским», что он был проведен с финансовой помощью вильгельмовской Германии, что Троцкий изобрел ГУЛАГ и газовые камеры – баржи, утопляемые в море, что был «народный геноцид» на Дону, где будто бы было расстреляно 1 млн 200 тыс. казаков. И хотя не выявлено до сих пор никаких доказательств получения немецких денег для финансирования революции, и хотя концлагеря изобрели англичане при подавлении восстания сипаев в Индии в XIX в., и баржи также топили и белые и англичане, а казаков на Дону всего было миллион до революции. Целенаправленного геноцида казаков и кого бы то ни было вообще не было, так как вся гражданская война носила геноцидальный характер.

Все творчество Р.Таккера А.И. Солженицын именует «импрессионистскими фантазиями», хотя реально именно его книги являются образцом такого жанра. А.И. Солженицын боролся с советской системой, но когда она рухнула и установился рыночный капитализм, он вновь стал в позицию яростного критика уже нового государства. Он предложил в качестве альтернативы реанимацию устаревших и дискредитированных дореволюционных институтов общины и земства. Игнорируя историю этих феноменов, их кризиса накануне 1917 г., восхваляя П.А. Столыпина, разрушившего крестьянскую общину, критикуя Николая II за политическую некомпетентность и нерешительность, он при этом восхвалял самодержавную Россию как некий идеал прошлого и будущего развития.

А.И. Солженицын предлагал в своем «Письме вождям Советского Союза» прекратить все великие свершения и заниматься одним – сидеть в своих хатах и не дергаться. Он писал: «Не должны мы руководиться соображениями политического гигантизма, не должны замышлять о судьбах других полушарий, от этого надо отказаться навек, это наверняка все лопнет, другие полушария и теплые океаны будут развиваться все равно без нас, по-своему, и тем никто из Москвы не управит и того никто не предскажет даже в 1973 году, а тем более Маркс из 1848-го. Руководить нашей страной должны соображения внутреннего, нравственного, здорового развития народа, освобождения женщины от каторги заработков, особенно от лома и лопаты, исправления школы, детского воспитания, спасения почвы, вод, всей русской природы, восстановления здоровых городов, освоения Северо-Востока – и никакого Космоса и никаких всемирно-исторических завоеваний и придуманных интернациональных задач» [10]. Но А.И. Солженицын ни тогда ни позднее не рассказал, как и на основе какой же идеологии и практики обеспечить высокий уровень жизни населения.

Однако после крушения социализма А.И. Солженицын неожиданно дал отповедь российским либералам и радикал-демократам, предполагавшим, что теперь воцарятся общечеловеческие ценности. «Справедливое представление о широкой щедрости американского народа неосновательно перенеслось на вашингтонское правительство – эгоистически расчетливое как и всякое нормальное государственное руководство. А в особых условиях после краха советского соперника все более втянутое в имперский курс контролировать всю бы планету» [с. 96]. Что правительство США десятилетия жаждало поражения и развала Советского Союза – это естественно, но плохо, что оно стало делать русофобские заявления. Далее писатель привел характерный пример – ведение финансируемой США радиостанцией «Свобода» враждебной России пропаганды. Под нажимом США горбачевское

руководство сделало ряд недопустимых уступок и эта линия «капитуляции от широты души» продолжалась Б.Н. Ельциным. Писатель заметил, что в своем необъятном широкодушии первый президент России провозгласил в 1994 г. «российско-американскую революцию», не понимая, что у России есть свои отдельные национальные интересы [с. 102-103].

А.И. Солженицын вновь стал везде повторять, что Запад теряет свою духовную силу и высоту, что начался процесс перерождения гуманизма, который принял контуры глобализма. Светлого будущего не будет, так как «нет центрального правительства земного, нет рационального распределения ресурсов» [с. 108]. А.И. Солженицын не мог не понимать, что такое мондиалистское правительство может быть только в рамках ООН и под контролем правительства США со всеми вытекающими последствиями.

Высказался А.И. Солженицын и по вопросу противостояния «третьего мира» против «золотого миллиарда», которое, по его мнению, прикрывается теорией конфликта цивилизаций. Он не смог осмыслить концепт Российской евразийской цивилизации на пространстве Российской, а затем советской империи. Но он понял невозможность стратегического цивилизационного союза США, Евросоюза и России во главе с надгосударственными органами. По его мнению, цветные революции и расширение НАТО ведут к полному окружению России и потере ее суверенитета. «Присоединение России к такому евроатлантическому альянсу, который ведет пропаганду и насильственное внедрение в разные части планеты и идеологии и форм сегодняшней западной демократии – привело бы не к расширению, а к упадку христианской цивилизации».

А.И. Солженицын предлагал создать перспективный «Российский союз» России, Украины, Белоруссии и Казахстана, не учитывая, что США никогда не допустят этого образования, ибо оно нивелирует их вложения в распад СССР. Финансируемый США, Канадой и Европой украинский национализм оказал деструктивное влияние на развитие украинской государственности. А.И. Солженицын был возмущен призывами бороться с «москалями» на независимой Украине. Он сделал вывод, что «малоимперское мышление наследовали некоторые республики. Скажем, Молдавия считает, что отделиться она имеет полное право, а от нее никто не имеет право отделиться. Грузия считает, что она отделиться, конечно, имеет полное право, но от нее никто не имеет права отделиться, скажем, Южная Осетия или Абхазия». А.И. Солженицын не учел в данном случае, что Россия сама является естественным образом государством многосоставного имперского характера. Но вопрос заключается не в наличии или отсутствии многосоставного типа государственности и имперского мышления у его руководителей, а в учете ими национальных интересов составляющих данное государство этносов, их языка, культуры, государственной автономии.

Следует отметить его пророссийскую и антиленинскую позицию по вопросу выбора Украины. Вот его тезис: «Сейчас, когда на западной Украине валят памятники Ленину (туда им и дорога), почему же западные украинцы страстнее всех хотят, чтобы Украина имела именно ленинские границы, дарованные ей батюшкой Лениным, когда искал как как-то убогатить ее за лишение независимости – и прирезал ей отсек Украиной не бывшие Новороссию (Югороссию), Донбасс (оторвать бассейн Донца от донских «контрреволюционных» влияний) и значительные части Левобережья (а Хрущев с маху подарил и Крым). И теперь украинские националисты броней стоят за эти священные ленинские границы?» [с. 135]. При этом А.И. Солженицын подчеркивает, что в результате распада СССР Россия лишилась 8-10 чисто русских областей. 25 млн этнических русских, попавших в

положение нежелательных иностранцев – в местах, где их отцы, деды, прадеды жили издавна, даже с XVII века. Их притесняют в служебном положении, подавляют их культуру, образование и язык» [с. 144]. Налицо система весьма противоречивых взглядов. А.И. Солженицын призывает украинскую власть признать права русского языка, русской культуры, в целом всего комплекса политико-юридических прав русскоязычных граждан этой страны. Однако он не учитывал в полной мере простого факта: националистическая власть не может в принципе проводить интернационалистическую политику. Он делает свои призывы, исходя из утверждения, что 8-10 областей – это просто части российской территории, случайно попавшие в состав Украины. Но по большому счету не только Юго-Восток, а вся центральная часть Украины всегда была компонентом «русского мира» – ядра российской евразийской цивилизации, в силу форсировано стимулируемой режимом украинизации культуры в центральном регионе произошел цивилизационный и религиозный раскол со всеми характерными для него негативными последствиями. В настоящее время в основном русских было не 8-10, а 3 – помимо русского Крыма, это Донецкая и Луганская и частично Харьковская области.

Существовали исторические социально-экономические факторы, предопределившие такую идентичность этого региона. Первый из них – наличие цивилизационно целостного русскоязычного региона угольного бассейна. Длительное совместное развитие хозяйства областей Украины и России привело к неформальному объединению их в общий социально-экономический пролетарский регион «Большой Донбасс», который стал опорной базой большевистской революции на Украине и всем юге. Особую роль в формировании донбасской идентичности сыграли конкретно-исторические обстоятельства, которые обусловили вскоре после Великой российской революции образование в январе 1918 г. «Донецко-Криворожской советской республики». Ее лидеры Артем (Ф.Сергеев) и С. Васильченко настаивали на том, что республики федерации должны строиться не по национальному признаку, а согласно особенностей национально-хозяйственного быта. В.И. Ленин считал, что без пролетариата Донбасса будет трудно развернуть мелкобуржуазную Украину на путь социалистического строительства. В годы Великой Отечественной войны на территории переименованных Сталинской и Ворошиловградской областей практически отсутствовала бандеровщина как этнополитический феномен. Но после обретения независимости Украина стала пристанищем бандеровских неофашистов. Поэтому с начала XXI в. в юго-восточных регионах Украины стали нарастать антибандеровские (антинационалистические) настроения, которые постепенно привели к реальным акциям протеста русскоязычного населения против действий правых неофашистских сил. Когда западноукраинские националисты после госпереворота 2014 г. захватили руководство страной, гражданское общество Донбасса отказалось признавать новую власть и выступило за федерализацию Украины, в том числе за автономию Донбасса. Нацисты запретили коммунистическое интернационалистское движение, и сопротивление пошло по другому пути. Началась «русская весна», активизация русскоязычного гражданского общества и его героическая борьба с бандерофашизмом. В Крыму этот процесс завершился референдумом и победой России. Интересно, одобрил бы Александр Исаевич этот процесс или стал бы разоблачать империю?

А.И. Солженицын оправдывает деятельность нацисто-бандеровцев во время Второй мировой войны, ненавидит советский строй, большевизм, ленинизм, не видит социально-политические аспекты проблемы Украины в целом и в итоге по-

лучается бесформенное, почти детское пожелание типа «ребята, давайте жить дружно». Звучит хорошо, но абстрактно, как и все сожаления и пожелания А.И. Солженицына по вопросу Украины. Он не одобрил выход Украины из состава СССР, разрыв националистической Украины с Россией, но при этом разоблачает интернациональную политику Ленина, КПСС, СССР. А.И. Солженицын подчеркивает, что он не желал распада СССР, а просто предсказывал его крах. Но это, мягко говоря, лукавство. Он как, безусловно, умный человек не мог не понимать, что ликвидация коммунистической партии марксистско-ленинской идеологии, будет сопровождаться крахом СССР.

В Россию А.И. Солженицын вернулся, когда главные политические страсти улеглись. Он стал лауреатом высоких премий, кавалером высших орденов, обладателем звания академика, а главное – миллионных тиражей своих книг. Вместе с тем, реформы 1990-х гг. демократов-рыночников он стал критиковать не менее остро, чем прежде коммунистов. «В этом, собственно говоря, и заключена главная его связь с традицией русской интеллигенции: желание добиться свободы для личности, разрушив систему государственного подавления» [11]. Однако его националистическо-патриотические обличения не находили, как это ни странно, массового отклика у разоренных соотечественников. Его не принимали ни коммунисты, ни либералы, ни националисты. Произведение «Красное колесо», которое он считал главным делом своей жизни, не получило в российском народе не то что большого интереса – вообще никакого признания. Посвященный еврейскому вопросу двухтомник «Двести лет вместе», вызвал, мягко говоря, полное непонимание ряда историков и еврейской диаспоры.

«Википедия» сообщает следующее: «Книга «Двести лет вместе» – «самая что ни на есть антиеврейская, да ещё приправленная псевдонравственными сентенциями и обставленная псевдоакадемическими атрибутами», и что она «закрепляет все самые лживые, дурные, безосновательные, предрассудочные и, увы, ультраконсервативные представления о евреях, сложившиеся в традиции русской мысли». Историк Г.Костырченко отметил, что А.И. Солженицын «стал обосновывать в основном только коллективную историческую вину одной стороны – еврейской. И именно эта подспудная направленность и стала одной из главных несущих конструкций идеологического каркаса книги». Книга подверглась осуждению со стороны учёных-историков, специализирующихся на данной теме, которые отмечали ее предвзятость, догматизм, явные упущения и некорректные интерпретации» [12].

В публицистической книге «Россия вобвале» А.И. Солженицын делал сильный акцент на уникальной специфике развития российского народа и роли православия в повседневной жизни, но эти идеи не стали знаменем нового этапа рыночных и демократических реформ. А.И. Солженицын мечтал о возрождении местного самоуправления типа земства, чтобы «народ мог проснуться и сам что-то делать, а не верхние чиновники, которые спускают нам распоряжения» [с. 107-108]. Но как это сделать? Очевидно, что у А.И. Солженицына нет собственного оригинального мнения на этот счет: он транслирует совершенно банальные, набившие оскомину славянофильские догмы о том, что современную Россию спасет система народной общины, «просвещенная империя» под властью «мудрецов». Пресса сообщала, что А.И. Солженицын направлял в Кремль записки не только с призывом обуздать олигархов, но предложения рационально подойти к решению проблемы Курильских островов, отдав их Японии «задорого», отказаться от космоса и других дорогостоящих проектов, никуда не лезть, заниматься только «сбережением нации».

По типу личности А.И. Солженицын является эгоцентриком с гипертрофированной самооценкой, испытавшим сильное влияние на психику травмирующего опыта пребывания в лагерях ГУЛАГа и ставшим фанатиком. Он реализовал модель оппозиционного поведения на основе заиклинности на сталинских репрессиях и осознанной постоянной конфликтности с советской и постсоветской государственностью. Став пропагатором и интерпретатором антикоммунизма и антисоветизма, православно-монархическим консерватором, превратился в апологета децентрализованных государственных систем и идеалистически-утопических схем развития.

Для одних А.И. Солженицын является классиком русской литературы уровня Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского; для других – это писатель средней руки, который так и не сумел преодолеть ожившую нравоучительную литературную традицию XIX века; для третьих – он мракобес, реакционный националист и антисемит [13]. Для нас он – политизированный талантливый публицист, который прославился благодаря конъюнктуре хрущевской оттепели. Всемирную известность ему принесли только «советско-антисоветские» художественно-исторические произведения «Один день Ивана Денисовича», «Архипелаг ГУЛАГ», «Бодался теленок с дубом», «Красное колесо» и «Двести лет вместе». За границей А.И. Солженицын сознательно и целеустремленно направил свой талант в русло идеологической войны против советского государства.

А.И. Солженицын, по нашему мнению, не был знатоком глубин русской души, как ненавистный ему М.А.Шолохов. Его произведения насыщены историческими неточностями, которые он без тени сомнения почерпнул из мемуарной литературы и дореволюционной прессы. Он любит субъективными презрительными портретами исторических деятелей. При этом он выступал против централизованного имперского государства и в социалистические времена, и что удивительно, остался им в постсоветский период. Он ненавидел всех правителей, высших чиновников, бюрократов-управленцев, которые, по его мнению, только губят Россию. Он надеялся на будущее возрождение России на основе «сбережения» ее народа, но кто будет это делать? Метаморфозы личности писателя носят вполне последовательный характер: антисталинист, антикоммунист, антисоветчик, антигосударственник, монархист-почвенник, националист с налетом антисемитизма, патриот-антилиберал. Сам А.И. Солженицын признавал присутствие в нем самом и добра, и зла, что и проявилось в его взаимоотношениях со всеми властями. Об этом он сказал сам в «Архипелаге ГУЛАГ», правда, лукаво и заковыристо. «Пусть захлопнет здесь книгу тот читатель, кто ждет, что она будет политическим обличением. Если б это так просто! – что где-то есть черные люди, злокозненно творящие черные дела, и надо только отличить их от остальных и уничтожить. Но линия, разделяющая добро и зло, пересекает сердце каждого человека. И кто уничтожит кусок своего сердца? В течение жизни одного сердца эта линия перемещается на нем, то теснимая радостным злом, то освобождая пространство расцветающему добру. Один и тот же человек бывает в свои разные возрасты, в разных жизненных положениях – совсем разным человеком. То к дьяволу близко. То и к святому» [14].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кислицын С.А. А.И. Солженицын: студент РГУ, разоблачитель сталинизма, антагонист М.А.Шолохова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. № 4. с.121-125.

2. Солженицын А.И. Россия. Запад. Украина. Составитель Наталия Солженицына. М.: Колибри. 2018.
3. URL: http://russian7.ru/post/pochemu-na-samom-dele-v-1974-godu-sovetskie/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.
4. URL: http://www.aif.ru/society/history/arhipelag_gulag_glazami_pisatelya_i_statistika.
5. URL: <https://www.twirpx.com/file/2131230/>.
6. Меньковский В.И. Англоязычная историография «сталинского террора» (дискуссии второй половины XX века) // Былые годы. 2012. № 4 (26).
7. URL: <http://goyko-mitij.livejournal.com/2516.html>.
8. Некрасов А.А. Англо-американская историография новой экономической политики в СССР. URL: <http://www.lib.uniyar.ac.ru>.
9. Голинков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Издание первое. М., 1975; Издание четвертое. М., 1986.
10. Солженицын А.И. Письмо вождям Советского Союза. Изд-во: YMCA-PRESS, Париж, 1974. URL: http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_letter.txt_with-big-pictures.html.
11. URL: <https://inosmi.ru/social/20181213/244223650.html>.
12. Бык у обломков дуба. Заметки к 80-летию Александра Солженицына. URL: <http://gorod-812.ru/podlaya-popyitka-sdelat-iz-solzhenitsyina-gosudarstvennogo-pisatelya/>.
13. URL: <http://berkovich-zametki.com/Nomer28/Kostyrchenko1.htm>.
14. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956: опыт художественного исследования. Т. 1. URL: http://thelib.ru/books/saraskina_lyudmila/aleksandr_solzhenicyn-read-25.html.

REFERENCES

1. Kislitsyn S.A. A.I. Solzhenicyn: student RGU, razoblachitel' stalinizma, antagonist M.A. Sholohova [A.I. Solzhenitsyn: a student of the RSU, a debater of Stalinism, an antagonist of M.A. Sholokhov]. News of Universities. North Caucasus Region. Social Sciences. 2018. No. 4. Pp. 121-125. (In Russ.).
2. Solzhenitsyn A.I. Rossiya. Zapad. Ukraina [Russia. West. Ukraine]. Compiled by Natalia Solzhenitsyna. Moscow: Kolibri. 2018. (In Russ.).
3. URL: http://russian7.ru/post/pochemu-na-samom-dele-v-1974-godu-sovetskie/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com. (In Russ.).
4. URL: http://www.aif.ru/society/history/arhipelag_gulag_glazami_pisatelya_i_statistika. (In Russ.).
5. URL: <https://www.twirpx.com/file/2131230/>. (In Russ.).
6. Menkovsky V.I. Angloyazychnaya istoriografiya "stalinskogo terrora" (diskussii vtoroi poloviny XX veka) [English-language historiography of the "Stalinist terror" (discussions of the second half of the XX century)]. Past years. 2012. No. 4 (26). (In Russ.).
7. URL: <http://goyko-mitij.livejournal.com/2516.html>. (In Russ.).
8. Nekrasov A.A. Anglo-amerikanskaya istoriografiya novoi ehkonomicheskoi politiki v SSSR [English-American historiography of the new economic policy in the USSR]. URL: <http://www.lib.uniyar.ac.ru>. (In Russ.).
9. Golinkov D.L. Krushenie antisovetskogo podpol'ya v SSSR [The collapse of the anti-Soviet underground in the USSR]. First edition. Moscow, 1975; Fourth edition. Moscow, 1986. (In Russ.).
10. Solzhenitsyn A.I. Pis'mo vozhdyam Sovetskogo Soyuza [A letter to the leaders of the Soviet Union]. Publishing house: YMCA-PRESS, Paris, 1974. URL: http://www.lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/s_letter.txt_with-big-pictures.html. (In Russ.).
11. URL: <https://inosmi.ru/social/20181213/244223650.html>. (In Russ.).
12. Byk u oblomkov duba. Zametki k 80-letiyu Aleksandra Solzhenitsyna [Bull at the wreckage of oak. Notes to the 80th anniversary of Alexander Solzhenitsyn]. URL: <http://gorod-812.ru/podlaya-popyitka-sdelat-iz-solzhenitsyina-gosudarstvennogo-pisatelya/>. (In Russ.).
13. URL: <http://berkovich-zametki.com/Nomer28/Kostyrchenko1.htm>. (In Russ.).

-
14. Solzhenitsyn A.I. Arhipelag GULAG. 1918-1956: opyt hudozhestvennogo issledovaniya [Archipelago GULAG. 1918-1956: the experience of artistic research]. Vol. 1. URL: http://thelibrary.ru/books/saraskina_lyudmila/aleksandr_solzhenitsyn-read-25.html. (In Russ.).

Информация об авторе: Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, кафедра политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

ORCID iD: 0000-0003-2264-8636

г. Ростов-на-Дону, Россия

kislizins@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 21.02.2019.

принята в печать 19.03.2019.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author: Sergey A. Kislitsyn, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Rostov-on-Don, Russia

ORCID iD: 0000-0003-2264-8636

kislizins@yandex.ru

Received 21.02.2019

accepted for publication 19.03.2019.

The author have read and approved the final manuscript.